

СЕМАНТИКА ДЕНЕГ КАК ХИМЕРА И СИМУЛЯКР СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2013 В.Б.Малышев

Самарский государственный технический университет

Статья поступила в редакцию 27.09.2013

Европейский метафизический разум предрасположен к производству химер, симулякров, один из которых – деньги. Подобно динамике взаимодействий в современной физической картине мира, где «все вращается», метафизическое «ничто», представленное через семантику денег, символически «выходит на орбиту».

Исследование ведется при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. грант № 2012-1.2.2-12-000-3003-061.

Ключевые слова: ничто, орбитальность, внечеловеческий, деньги, семантика, химерический, Gestell.

Вне всякого сомнения, проблема «денег» в современном обществе – одна из наиболее актуальных. Рост денежной массы, виртуализация финансовой циркуляции в сфере экономики, инфляционные процессы... Имеет ли отношение этот вопрос к другой фундаментальной проблеме – человека? Безусловно, ведь современный «homo economicus» теряет связь с первичной реальностью и утрачивает собственную идентичность, попадая в искусственный мир финансовой симуляции, но дело не только в этом. Констатировать вслед за Ж.Бодрийяром то, что деньги – это симулякр, недостаточно, необходимо посмотреть на проблему культурно-исторически, также и на связанную с данной проблемой человека. Если проблема человека и проблема денег связаны, то в какой области может быть намечено взаимодействие? Необходимо, по крайней мере, проанализировать специфику представления о человеке в европейской культуре и связать это со спецификой представления о феномене денег. Основное предположение настоящего исследования состоит в том, что иллюзорность, химеричность европейского представления о «человеческом», и искусственность ограничений, которые налагают деньги на бытие современного человека, берут начало в самом способе европейского мышления. Последний иллюстрируется химерическим принципом «вопреки природе», греч. «пара-фюсис» (природа не как «храм», а как «мастерская»), в частности, принципом негации, ничтожения (Г.Гегель, Ж.-П.Сартр). Помимо известных философски ориентированных экономических теорий (прежде всего, марксизма) и некоторых постмодернистских идей (Ж.Бодрийяр), мы располагаем достаточно ма-

лым спектром концепций, в рамках которых мы могли бы связать специфику европейского мышления и проблему финансовой симуляции в модернизированном обществе. В плане диахронии (исторический срез) новизна исследования заключается в попытке соотнести корни европейского негативного, нигилистического мышления и проблему денежной симуляции в современную эпоху. В плане синхронии (современность) необходимо найти точки соприкосновения «не-человеческой» семантики денег и антропологической семантики в текстах современности.

В современной культуре существует рецепт семантики денежной циркуляции. Это некое порочное сочетание информации и визуального способа ее репрезентации, которое является заменителем духовности и способности мыслить. Погружаясь в пространство денежной циркуляции, мы созерцаем поток «ничто», мерцание статистических данных на мониторе с курсами валют. Тем не менее, это «ничто» – самое существенное для современного человека, также как некогда «чудесное» для человека эпохи Средневековья. Химерическое мерцание денежных котировок на биржевых мониторах в эру масс-медиа своим истоком имеет тот принцип мышления, который зародился в Средние века.

Для того чтобы понять этот принцип, нужно начать с самого основного – понятия «химера». Химера – огнедышащее чудовище, описываемое различно древними авторами, рожденное Тифоном и Ехидной. Гомер в «Илиаде» повествует, что химера имеет голову льва, туловище козы и хвост дракона. Гесиод в «Теогонии» утверждал, что химера – это чудовище о трех головах: льва, козы, дракона¹. Уже в античное время химера стала именем нарицательным для всякой попытки соединить несоединимое. Большой толково-

⁰ *Малышев Владислав Борисович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии.
E-mail: vlmaluy@yandex.ru*

¹ Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. 2-е изд. – Т. 2: К – Я. – М.: 1988. – С.592.

фразеологический словарь Михельсона характеризует химеру как чудовищный плод больного воображения. Однако химера несла и позитивную функцию. В средневековой готической архитектуре изображения химер выполняли функции «стражей» здания, далеко отойдя от первоначального своего рецепта. Достаточно вспомнить химер Кельнского Собора, Миланского Собора, Собора Парижской Богоматери. В истории европейского искусства химерой могло являться любое фантастическое чудовище, возникшее в воображении человека искусства – скульптора, живописца, поэта, драматурга. Блеск золота – химерическое мерцание. Тесты многих драматургов, от У.Шекспира до Э.Скриба, подтверждают это. Согласно либретто Эжена Скриба к операм Дж. Мейербера, нем. *Das Gold ist nur Chimdre*, фр. *Oui l'or est une Chimire*, то в переводе это означает, что «золото-это просто Химера» (Scribe. *Robert der Teufel*. 2, 5; Scribe. *Robert le diable*. 2, 5.)². Французское *chimire* стало прямым семантическим заместителем понятия «несбыточная мечта». Существует сходное по звучанию немецкое *Schimmer* – «сверкание», «блеск», «игра», «мерцание». В немецком языке это слово обычно употребляют для обозначения мерцания звезд или игры света на драгоценных камнях. Сегодня это мерцание рекламы на телевизионном экране, цифровых изображений на компьютерных мониторах, водяных знаков на денежных купюрах, электрический свет огней ночного города.

Разумеется, фантомные образы современности предельно уплощены, в них уже нет той онтологической глубины, когда в природе ощутимо живое присутствие божественного как одного из видов внечеловеческого. «Плоскостное» видение мира в эпоху электронных табло отличается от того стремления уйти на глубину, уйти в запретность, которое мы ощущаем в пространстве готического собора. Внечеловеческое современности, в отличие от средневекового, упраздняет веру в трансцендентные инстанции, оно не внушает тот священный трепет, который несет божественное откровение. Однако сама онтологическая основа мировосприятия, чистое «ничто», в том и другом случае опосредует мир. Средневековое ощущение инстанции «ничто» завуалировано мощным пластом новоевропейского метафизического мышления. *Creatio ex nihilo*, создание мира из ничего Средневековья коррелируется с фаустовским видением мира кабинетного ученого, который создает некие химеры как проекцию собственного малого «я» или универсального абстрактного мирового «Я» (Г.Гегель,

Г.Фихте). Абстракции европейского очищенного от природности мышления выводят ничто за край «метафизического циферблата», созданного европейскими мыслителями в Новое время. Культивация абстракций научного мышления приводит к забвению бытия, к семиотическому видению мира, язык теряет трансцендентное измерение и становится уже «исчислением». Аппарат математической логики позволяет создать ЭВМ, негация как способ мышления становится уже не явной, а завуалированной подоплекой восприятия сущего. Созерцая пустоту и нечеловечность электронных табло, компьютерных мониторов мы легко способны ощутить тот самый «ужас ничто», в котором растворяется человеческое. Сегодня такое «ничто» начинает циркулировать в средствах медиа, заволаживая наш взгляд, словно готическая химера.

Современное «медийное ничто» неким образом отличается от мистической пустоты, как символа традиционного созерцания сущего в древних культурах или в Средневековье, ибо оно опосредовано техникой. Медийное ничто обладает своей особой субстанциональностью. «Чтойность» медийного заключается в наличии «остова» реальности (нем. *Gestell*), с одной стороны (архитектоника), и цветовой симуляции (трансцендентальная оптика), с другой. Последняя характерна для денежных купюр, что можно соотнести с двуплановостью готического собора: каркас, включающий «ребра» нервюрного свода, с одной стороны, и цветные витражи, создающие волшебную игру света, с другой. Сегодня остов-скелет – репрезентация технического опосредования реальности, на которую затем накладывается гламурный блеск денежной циркуляции. Даже в модельном бизнесе тело-вешалка, дефилирующее на подиуме, как подобный «остов» важнее, чем сама телесная первичность женского. Но этот остов окутан мерцанием знаковости, «цвета» одежд для демонстрации, которые можно соотнести с идеей «цвета» денег. Денежный симулякр, в отличие от метафизических концепций явно имеет свой условный «цвет», создаваемый в процессе симуляции реальности. Существуют «зеленые» и иные цвета купюр (пример из кинематографа – роман У.Тэвиса «Цвет денег» и его экранизация М.Скорсезе). Иллюзорный «цвет» социальных симулякров, будь то деньги или бренды, легко меняется. То, что было «ничем», внезапно становится «все», ибо «цветность» симулякра порождает инстанция ничто.

Некогда Дж.Чосер в «Кентерберийских рассказах» иронизировал по поводу парадоксов «делимости» денег, когда минимальная денежная единица превращается не просто в «ноль», а даже в «нолик». Позже Вольтер утверждал, что бумажные деньги всегда стремятся к своей под-

² Химера: [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/ХИМЕРА> (Дата обращения 11.11.12).

линной стоимости, равной нулю. В самом деле, ценность денег в своем пределе стремится к абсолютному минимуму, который согласно принципу «совпадения противоположностей» Н. Кузанского становится «всем». Денежная химера исчезает своей исконной стихии, во мраке преисподней, в ничто. Сегодня мир как картина «множества вещей» оппозицией может иметь картину «денежной массы», хотя если сказать точнее, негации, ничтожения сущего. Последнее не столько картина, сколько «карта». Это абстрактное масштабирование, а не оттиск первичной реальности. «Карта» реальности как семиотический элемент всеобщей финансовой «игры» отсылает скорее к «ничто», чем к «нечто». Блеск денежной циркуляции состоит в дискурсе «ни о чем». Всеобщая финансово-кредитная сеть обещает человеку чрезвычайно много, но куда испаряются эти мнимые блага? Онтологически выверенный долг перед обществом трансформируется в «кредитную историю». Ты «должен» означает не проявление свободы, а виртуальное рабство, зависимость от системы. В руках человека – мнимость, кажимость, ничто, становящееся «всем». Реальный материальный эквивалент денежных знаков – золото, нефть, затраченный труд – все это утрачивает прямую связь с деньгами «самими по себе». Достаточно взглянуть на отсутствие гарантий их реальной обеспеченности на самих денежных купюрах. Другой пример – пачки акций обанкротившихся компаний, которые порой брокеры символически сжигают прямо на бирже. Этот мир гиперреальности, которая заменила собой реальность первичную, особый мир симулякров, детально изучен Ж. Бодрийяром. Однако важно подчеркнуть, что особым образом симулякры, ложные проекции вещей, проявляются в языке. В гиперреальности язык не столько различает вещи и поддерживает их существование, сколько рассекает пустоту, ранжирует бесформенность ничто. Если люди говорят, то говорят «ни о чем». Фраза «ни о чем» выделена Рэем Брэдбери в романе «451 по Фаренгейту», ничто здесь символически «выходит на орбиту», где вместо былого «все течет» оправдан постулат «все вращается». «Да-да. Ни о чем. Сыплю названиями – марки автомобилей, моды... – и ко всему прибавляют: «Как шикарно!»³. На языке современности последняя фраза может быть прочитана «Как гламурно!». «Крутите человеческий разум в бешеном вихре, быстрее, быстрее! – руками издателей, предпринимателей, радиовещателей, так, чтобы центробежная сила вышвырнула вон все лишние, ненужные, бесполезные мысли!»⁴.

³ Брэдбери Р. 451е по Фаренгейту. – М.; СПб.: 2011. – С.48.

⁴ Брэдбери Р. 451е по Фаренгейту. – С.83.

На самом деле семантика денег глубоко метафизична, и может быть рассмотрена на примере идей И.Канта, Г.Гегеля, М.Хайдеггера. Метафизически для выделения внечеловеческого является кантова ограниченность человеческого разума (*ihre Endlichkeit wesentlich wird*)⁵. Внечеловеческое представляет собой субъектность вне человека, субъектность в смысле античного *ύλοκεϊμενον*, «предлежащего». Предлежащее как *ύλοκεϊμενον* зиждется в самом бытии, тогда как пред-стоящее (хайдеггеровы неологизмы с основой –*stell-*, напр. *Ge-stell*) рукотворно, создано человеком, представляя собой вымышленную «картину мира»⁶. Однако проще выйти за пределы метафизики, ведь внечеловеческое иллюстрируется лучше всего эмпирически. К примеру, это природа вне человека, *φύσις*, негативно-нечеловеческое (привидения, вампиры, злые духи, привидения); машинное, техническое; фантомы культуры и общественного сознания.

Рассмотрим соотношение семантики денег в образной системе одного из произведений современной массовой литературы, с одной стороны, и семантические оппозиции в рамках одной из наиболее известных концепций политической экономии – марксистской, с другой. Для большей наглядности семантику денег представим в рамках проблемы внечеловеческого, которая рассматривалась нами ранее⁷.

В современной культуре метафизика внечеловеческого переходит от манифестации вампира как персонажа, представленного через образ, к концептуальной репрезентации. Ярким примером последнего является понимание вампирического как сверхчеловеческого в романе В.Пелевина «Empire V». Актуальность романских образов Пелевина заключается в «химерическом синтезе» аспектов внечеловеческого. В текстах писателя четко обрисованы семиотические оппозиции между первичной и вторичной реальностью, между человеческим и внечеловеческим, природным и искусственным. В качестве доминантных аспектов внечеловеческого мы выделяем природу вне человека и негативно-нечеловеческое (вампирическое). В тексте Пелевина вокруг этого группируются все остальные аспекты.

Главный герой, наш современник, молодой человек по имени Роман, попадает в некое тайное общество. После телесной трансформации он становится вампиром и получает новое имя, на-

⁵ Heidegger M. Gesamtausgabe. Band 40. Einführung in die Metaphysik. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1983. – S.21

⁶ Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. – М.: 1993.

⁷ Мальшев В.Б. Нечеловеческий ореол власти // Политика и Общество. – 2011. – № 12. – С.166 – 173.

поминающее имя бога – Рама второй. На земле с древних времен существует тайная «империя» вампиров, преемников Великой Мыши, их мистического первопродка. Это мифическое нечеловеческое сродство дает вампирам силу, разум, способность господства над всеми другими живыми существами. Существование Бога утверждает человеческая форма разума, так называемый Ум «Б», тогда как вампирам присущ изначальный разум – Ум «А» во всей его полноте. К чему отсылает эта оппозиция ум «А» – ум «Б» в плане марксовской политэкономии? Вспомним, что в «Капитале» К.Маркс постоянно использует такие семантические оппозиции как «натуральная форма товара» – «форма стоимости», природное бытие – стоимостное бытие (Wertsein), рабочая сила – прибавочная стоимость, капитал – деньги. Эта семантическая конструкция, Ум «А» и Ум «Б», может являться своеобразной иронической аллюзией на излюбленную семантическую фигуру в «Капитале» К.Маркса: отношению *товара «А» и товара «Б»*, когда «тело товара В становится зеркалом стоимости товара А»⁸.

Вспомним, что в «Основоположении к метафизике нравов» (1785) И.Кант использовал понятие «абсолютной ценности» (Wert). Слово wert в немецком языке обозначает как «цену», «стоимость» в плане экономических отношений, так и «ценность» в метафизическом смысле. Ум «А» существует по принципу сродства с природным мироустройством. Это мир вещей самих по себе (И.Кант). Ум «Б» – это, по сути, дискурсивное человеческое мышление, опосредованное общепринятыми представлениями, взаимопереводимость всех понятий как частей абсолюта, одной чистой идеи (Г.Гегель).

Итак, дело здесь не столько в точном воспроизведении терминов К.Маркса, а в наличии самой оппозиции: первичной реальности, бытия природы, с одной стороны, и вторичной реальности, форм стоимостного (ценностного) бытия, характерного для мышления европейца. К примеру, мы читаем. «В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость [Wertgegenstandlichkeit] не входит ни одного атома вещества природы»⁹. Марксов термин Wertgegenstandlichkeit, «стоимость» обозначает ценностное отношение к миру как предмету, как к тому, что представлено человеком. Конструкция мира, как представленного метафизического образа фундаментально рассмотрена М.Хайдеггером¹⁰. Подтверждает обособленность нашего обращения к трудам

К.Маркса и другой пелевинский образ. Человек, которому вампиры «приделали» ум «Б», является «дойной коровой». Вопросы о Боге, об истине представлены лишь как холостой ход этого ума «Б»¹¹. Здесь заметно сходство марксовской оппозиции *рабочая сила (пролетариат) – капитал (капиталист)* и пелевинской *люди – вампиры*. Здесь проступает традиционная проблема «волков и овец», которая имеет свой смысл в плане семантики индоевропейских слов, обозначающих деньги (rescūnia – «деньги» и rescū – «скот») ¹².

Пелевин все сводит к проблеме денег как универсального эквивалента вещей. По Пелевину, в уме «Б» «идет непрерывное абстрактное мышление, которое створаживается в денежный концентрат» или так называемый агрегат «эмпять». «Если ... сфокусировать внимание всех людей на одной и той же абстракции, все передатчики будут передавать энергию на одной длине волны. Эта длина волны и есть деньги»¹³. «Волновая» метафора для обозначения денег изоморфна динамике микро- и макровзаимодействий в современной физической картине мира. Все это соответствует тому, что мы называем фундаментальной орбитальной метафорой. *Метафизическое «ничто», представленное через семантику денег, символически «выходит на орбиту»*. В свете достижений современной науки бытие по-орбитально. Орбитальность – способ бытия в мире всеобщей медийной циркуляции, атмосфере семиотического коллапса, расщепленность сознания человека в мире всеобщего медийного опосредования. Человек становится микрочастицей бездушного искусственного мира. В своем романе Пелевин с помощью метафоры «баблоса» говорит о том же принципе фиксации сознания людей лишь на одной из всех доступных «орбиталей», с определенной «длиной волны», которая соответствует денежной составляющей общественного сознания. Деньги являются лишь своеобразной объективацией «баблоса» (ср. аккадское «Баб-илу», «Врата бога»). Проведем аналогию с мотивами из «Парфюмера» П.Зюскинда. Существует ароматическая эссенция, которую главный герой «Парфюмера» хотел бы приготовить из запаха самых прекрасных женщин. Будучи применен на практике, этот аромат вводит толпу людей на площади, собравшихся поглазеть на жестокую казнь, в состояние блаженного транса. Словно некая вибрация могла бы «распределить» сознание масс, заставить его вибрировать на одной и той же волне.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т.23. – М.: 1960. – С.62.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т.23. – С.47.

¹⁰ Хайдеггер М. Работы и размышления. – С.147.

¹¹ Пелевин В. О. Empire «V»: Повесть о настоящем Сверхчеловеке. – М.: 2010. – С.369.

¹² Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: 1995. – С.51 – 60.

¹³ Пелевин В.О. Empire «V»: – С.231.

Феномен орбитальности, на наш взгляд, соответствует тому, что Пелевин называет человеческим умом «Б». Мы – пленники вторичной знаковой циркуляции, овеществления гипостазированной абстракции в области языка. Тогда как первичность вампирического «А»-сознания соответствует внечеловеческой первичности глагола «быть». Вампир выше человеческой суетной деятельности, которая сводится только к одному – денежной циркуляции. Внечеловеческий «вынесенный субъект» (в облике вампира) в хайдеггеровом смысле просто позволяет себе «быть», без условностей и опосредования. Здесь находим мы те самые изначальные смыслы φύσις как сборки, как полноты бытия. Если человеческий язык ограничен рамками дискурса, траекторией мышления, разрешенной вампирами и их слугами халдеями, то вампирический язык в романе – это элемент внечеловеческой телесности. До того, как поселиться в человеке, исторически язык жил в теле гигантской летучей Мыши, как часть ее взвешенного разума, а затем «стал селиться в черепе других существ, лучше приспособленных к новым условиям жизни, и входит с ними в симбиоз»¹⁴. Тогда это существо и становится вампиром. Пелевин сравнивает вампира «со всадником, но более точным уподоблением является «кентавр»... язык поднимает ум человека до собственной высоты»¹⁵.

Вампирическая «кентавричность» противоположна человеческой «химеричности». Европейский проект человека химеричен. Денежные химеры – человеческая слабость, тогда как язык, овеществленный в литературном образе, становится непосредственным осязанием бытия. Человек имеет дело не собственно с языком, а с ограниченностью дискурса. Если Хайдеггер допускает сродство человеческого и внечеловеческого, то Пелевин четко разделяет две инстанции. Понимая различие взглядов Хайдеггера и Пелевина, сходство мы видим в ограничении первичной реальности через язык. Гипостазируя фундаментальные онтологические истины, Пелевин пока-

зывает, что в мире вампиров язык становится «домом бытия» не в переносном, метафорическом, а именно в прямом смысле. Хотя, конечно, язык вампира – это именно нечеловеческий субстрат. Если можно так выразиться, здесь вампир – существо-язык, язык как субъект. Бытие языка превращается в телесную реальность: для вампира язык это и особый сверхчеловеческий орган, и – твердое ядро личности.

Подведем итоги. На примере рассмотренных текстов, в культурно – исторической перспективе можно видеть, что деньги являются не только всеобщим платежным эквивалентом. Денежная циркуляция в европейской культуре является своеобразной проекцией самого способа мышления. В этом архитектоника средневекового мышления коррелируется с современной. «Стоимостное бытие», ограниченное рамками принятого в данном обществе дискурса, конституируется по-разному, хотя суть от этого не меняется. Симулированная вторичная реальность может обосновываться теологически, метафизически, экономически, медийно, средствами PR – главное, чтобы способ соприкосновения с первичной реальностью не выходил за определенные рамки. Сложно определить субъекта, который определяет эти пределы, но совершенно очевидно, что вынося подобную субъектность за антропологические границы, необходимо выделить рубрику «химерического» как «внечеловеческого». Человеческий ум создает те метафизические химеры, которые способствуют «зависанию» мышления на одной единственной «волне», орбите всеобщего знакового обмена. Знаки обмениваются на знаки, значит, справедливо утверждение «деньги делают деньги». То, что было «ничем», внезапно становится «всем», ибо химерические денежные проекции вещей порождает инстанция ничто.

¹⁴Пелевин В.О. Empire «V»:С.168.

¹⁵Пелевин В.О. Empire «V»:С.35.

SEMANTICS OF MONEY AS A CHIMERA AND SIMULACRUM OF MODERN EUROPEAN CULTURE

© 2013 V.B.Malyshev^o

Samara State Technical University

European metaphysical reason is predisposed to the production of chimera, simulacra, one of which is money. Like the dynamics of interactions in the modern physical picture of the world where «everything turns», metaphysical «nothingness», presented by the semantics of money, symbolically «goes into orbit».

Key words: nothingness, orbitality, nonhuman, money, semantics, chimerical, Gestell.

^o Vladislav Borisovich Malyshev, Candidate of pedagogical sciences, Associate professor of Philosophy Department. E-mail: vlmalyshev@yandex.ru